

СТАНИСЛАВ ЖАЖА

ВОЗМОЖНОСТИ КООРДИНАЦИИ ПРАВИЛ ПРАВОПИСАНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Одним из ряда вопросов, поставленных на обсуждение Международным комитетом славистов по случаю V Международного съезда славистов в Софии, является вопрос о возможности координации и сближения некоторых правил правописания славянских языков.¹ Эта проблема, без сомнения, очень интересна, и поэтому нужно ее рассмотреть более обстоятельно.

1. Прежде всего нужно ответить на вопрос, необходима и желательна ли такая координация и какие условия имеются для ее осуществления именно в славянских языках.

Развитие системы правописания каждого отдельного языка происходило, как известно, более менее изолированно и под влиянием разных обстоятельств. Орфографические системы славянских языков возникали в течение долгих лет и стабилизировались во время, когда состояние знаний фонематической структуры того или другого языка еще не позволяло образовать систему, вполне соответствующую всем требованиям письменной коммуникации. Сверх того, на образование орфографической системы часто оказывали влияние внешние факторы (политическое положение, споры между прогрессивными и реакционными группами культурных деятелей, национализм, шовинизм и т. п.). Результатом этого сложного развития является тот факт, что в орфографии отдельных славянских языков — если уже не принимать во внимание наличие двух разных графических систем на славянской почве, азбуки и латиницы — наблюдается ряд особенностей и различий, заключающихся, главным образом, в том, что в разных системах правописания в неодинаковой мере действуют элементы фонетического, морфологического и исторического принципов, традиция, консерватизм и т. д.²

В период после второй мировой войны в ряде славянских стран произошли более или менее крупные реформы правописания (в 1945 г. реформа болгарской орфографии, в 1953 г. упорядочение словацкою правописания, в 1956 г. упорядочение русской орфографии, в 1957 г. упорядочение сербско-хорватского и чешского правописания). Все эти реформы имели прогрессивный характер и способствовали демократизации правописания, устранивши из орфографии ряд консервативных элементов и пережиточных написаний.³

2. Современный этап социалистического строительства и перехода к коммунизму в странах социалистического лагеря характеризуется небывалым развитием национальных языков и культур. Тем не менее, уже сегодня необходимо считаться с дальнейшей, хотя еще весьма отдаленной фазой — фазой постепенной интеграции языков, — и готовить почву для нее, обращая внимание прежде всего на общие, конвергентные тенденции раз-

вития наших языков. Нет сомнения в том, что разрозненность орфографических систем славянских языков следует с этой точки зрения оценивать как замедляющий фактор, не говоря уже о том, что она порождает много практических затруднений при изучении иностранного языка. И все же именно орфография, в силу своего условного характера, представляет собой подходящую область, в которой можно было бы путем ненасильственных мероприятий, проводимых с большой чуткостью и опирающихся на точные знания закономерностей развития, устранить искусственно наслонившиеся дифференции и таким образом сознательно способствовать дальнейшему развитию. Условия, в которых теперь находятся славянские языки, весьма благоприятны для этого процесса. Освобождение Советской Армией от немецкого империализма и обусловленное тем самым дальнейшее общественное развитие привело славянские народы на сторону социалистического лагеря. Марксистская теория и авторитет политики партии в области науки и искусства дают возможность продуманного и единого решения языковых вопросов, и таких, которые имеют общеславянское значение. По нашему мнению, следовательно, для осуществления предлагаемой координации нет никаких внешних препятствий.

3. Поставим теперь вопрос, какие принципы, по нашему мнению, должны лечь в основу координации и до какой степени она возможна. Нет сомнения в том, что современное состояние языковой теории дает возможность создать вполне удовлетворительную и единую, общую для всех славянских языков орфографическую систему. С другой стороны, однако, совершенно ясно, что в настоящее время неприемлемы и нежелательны такие вмешательства в орфографию, которые существенным образом изменили бы общий характер правописания. В ближайшем будущем не могут быть, следовательно, приняты во внимание никакие коренные изменения, как например последовательная фонетизация правописания, замещение правописания с лигатурами диакритическим правописанием и т. п. Совершенно нереальными являются также представления об унификации графических систем. Итак, первая фаза орфографической координации должна ограничиться лишь несколькими явлениями, упорядочением которых не изменится общий характер правописания. Тем не менее, осуществить такие изменения нужно было бы со всей решительностью и последовательностью. Общей чертой всех предлагаемых изменений должно быть стремление к упрощению сложного, к ограничению традиционных правил в пользу правил логически обоснованных и к сближению правописания с произношением. Координация, результатом которой не был хоть бы один из приведенных моментов или которая находилась бы в резком противоречии с этими принципами, представляла бы, на самом деле, шаг назад.

4. В соответствии с предложениями, внесенными комитетом славистов в анкету, мы считаем целесообразной координацию правил о написании двойных букв, прописных букв, сложных слов, далее правил переноса слов и пунктуации. Кроме того, предлагаем еще упорядочение нескольких других явлений. Наиболее подходящей формой координации нам кажется тот прием, который уже оправдал себя после издания новых „Правил чешского правописания“ в 1958 г., а именно предостережение известного срока, в течение которого будут допускаться орфографи-

ческие дублеты; в официальном употреблении будет предпочитаться прогрессивный вариант, под давлением которого второй вариант со временем выйдет из употребления.

5. Одной из областей возможной координации являются заимствованные слова неславянского происхождения. Во всех славянских языках проявляется тенденция подчинять написание этих слов правилам правописания заимствующего языка. Эта тенденция тем сильнее, чем более слово входит в общее употребление (особые условия имеются, конечно, в языках, пользующихся азбукой). Наиболее сильный слой среди таких слов образуют интернациональные термины греческого, латинского или романского происхождения. В заимствующем языке в таких словах нередко упрощается группа двойных согласных, ср. *illuminatio* — чешск. *iluminace, atribut* — русск. *атрибут, классификация* — болг. *класификация, territorium* — укр. *територія* и мн. др. Несмотря на это, в русском языке во многих случаях сохраняется этимологическое написание, напр. *иллюстрация, корреспондент, прогрессивный, процесс, вилла, теннис* и т. п. Такое написание отчасти находится в соответствии с произношением: двойным согласным буквам соответствует сдвоенная согласная фонема (долгий согласный), если они находятся непосредственно после ударения, напр. *масса, телеграмма, тонна, вилла, ванная* и т. д. Не совсем последовательно двойные согласные буквы встречаются в производных словах, где перед согласным оппозиция удвоенная: неудвоенная в произношении нейтрализуется, напр. *программа — программный; классы — классный; но финн — финка, финский; оперетта — оперетка* и т. п. Непоследовательным нужно признать написание двойных согласных в других позициях (где чаще всего долгота не произносится): *дифференция, агглютинация, аттракция, коммунизм, однако официальный, агломерация, атрибут, командовать* и др. В общем можно сказать, что в произношении и в правописании заимствованных слов с двойными согласными наблюдаются значительные колебания.

Вопрос о написании двойных согласных вовсе не нов. Как отмечает А. Б. Шапиро, „при каждом обсуждении русской орфографии раздаются голоса в пользу устранения двойных согласных“.⁴ Как известно, „Правила русской орфографии и пунктуации“ от 1956 г. сохранили существующий принцип написания двойных согласных. С аргументами Орфографической комиссии можно, конечно, вполне согласиться, насколько они относятся к употреблению двойных согласных в таких случаях, где это требуется морфологическим принципом правописания (напр. *поддать, ссыпать, машинный* и т. п.). Однако они не слишком убедительны в отношении двойных согласных в заимствованных словах. Возражения комиссии против упрощения следующие: 1) многие заимствованные в разные эпохи слова не являются уже иноязычными для современного носителя русского языка (*кассир, группа, металл, ванна, Анна, Савва, Филипп* и др.); 2) трудно решить, какие из заимствованных слов уже окончательно утратили долгое произношение двойных согласных, а в каких долгота еще сохраняется.

На первый аргумент можно возразить, что языковедам нетрудно установить иностранное происхождение таких слов. И если эти слова не ощущаются уже как иностранные, тем более нет причины не упростить их написание; ведь оно в таких случаях не имеет отношения к морфологическому принципу. На второе возражение можно ответить словами, приводимыми самим

проф. Шапиро, а именно, что „нет ничего предосудительного в том, что изменения в написании слов приведут в конце концов к соответствующим изменениям в произношении“.⁵ Лучше, по нашему мнению, способствовать достижению последовательного соответствия правописания с произношением (хотя бы измененным), чем мириться с разнобоем в правописании и в произношении. Итак, мы думаем, что в целях упрощения правописания и произношения, в целях унификации со всеми остальными славянскими языками, в которых двойные согласные за немногими исключениями были уже раньше устранены (ср. укр. *ілюстрація, кореспондент, програма*, белорусск. *ілюстрацыя, карэспандэнт, праграма*, слов. *ilustrácia, korešpondent, program*, чешск. *ilustrace, korespondent, program*, польск. *korespondencja, progresywny, iluzja*, сербско-хорв. и словен. *ilustracija, korespondent, program*, болг. *илюстрация, кореспондент, програма*), можно было бы и в русском окончательно отказаться от двойных согласных в заимствованных словах.

6. Еще в одном случае можно путем устранения двойных согласных достичь полного соответствия русской орфографии с орфографией других славянских народов. Мы имеем в виду возможность устранения двойного *n* в страдательных причастиях прошедшего времени (*сделанный, написанный*). Оппозиция причастие: прилагательное (*копченный, раненый*: *копченный, раненый*) в других славянских языках совершенно не известна (в них всегда пишется только одно *n*, ср. укр. *продуманий, обговорений*, белорусск. *пераданы, запісаны*, чешск. *promyšlený, zavřený*, слов. *parísaný, obmedzený*, польск. *wytworzony, odziedziczony*, сербско-хорв. *povezani, neispitani* и др.). Также в русском языке сохранение различия между причастиями и прилагательными не имеет никакого практического значения; но оно не только сохраняется, а, к сожалению, еще усложняется различиями в написании кратких форм (*организован, -на, -но* × *организован, -нна, -нно*), в результате чего правописание страдательных причастий и причастий, перешедших в разряд прилагательных, представляет для иностранца один из наиболее затруднительных разделов русской орфографии.⁶

7. Что касается заимствованных слов, предлагается нами далее следующее правило: для звуков [s] и [z] в заимствованных словах следует употреблять всегда соответствующие буквы, напр. *diskuse, vize, pauza* и др. Наиболее консервативным в этом отношении был до недавнего времени чешский язык (хотя и здесь уже давно проявлялись тенденции к фонетическому написанию),⁷ в котором под влиянием латинской орфографии сохранялось написание *s* (*episoda, iluse, pausa*), противоречащее произношению (в отличие от словацкого, уже раньше принявшего фонетическое написание: *epizóda, ilúzia, pauza*). Стремление устранить этот пережиток введением орфографических дублетов при упорядочении чешского правописания в 1958 г. (*epizoda — episoda, konzerva — conserva*) надо было бы, однако, довести до конца. Нет, по нашему мнению, достаточной причины сохранять традиционное написание слов *universita, president, presidium, filosofie, gymnasium* и слов с суффиксом *-ismus* (*komunismus, realismus* и др.⁸), если в других подобных словах полным правом предпочитается написание через *z* (*prezence, poezie, muzeum, socializovat* и др.). Известное затруднение представляют существительные *kurs, impuls, kompars* и др., в именительном и винительном падеже единственного числа которых произносится в конце [s]. По всей вероятности, даже здесь не будет другого выхода, чем

вести букву *z* по аналогии с косвенными падежами, где она уже сегодня все чаще появляется (*konkurz — konkurzu* и т. п.). Нужно, конечно, добавить, что создание единого правила об употреблении *s* и *z* в заимствованных словах представляет собой в данном случае только унификацию принципов, а не унификацию написания конкретных слов: здесь останутся различия, обусловленные различиями в произношении; ср. русск. *университет, философия*, польск. *uniwersytet, filozofija*, словен. *univerzita, filozofija*, чешск. (предлаг.) *univerzita, filozofie* и т. п.

8. Всестороннее развитие общественной жизни в социалистических странах породило многие новые учреждения, организации и т. п. Они чаще всего обозначаются названиями, представляющими собой целые словосочетания, в связи с чем усложнился и вопрос об употреблении прописных букв.⁹ Вследствие этого является желательным упрощение правописания таких названий и ограничение употребления прописных букв. Правила об употреблении прописных букв в разных языках довольно расходятся, ср. польск. *Międzynarodowy Zjazd Filologów Słowiańskich, Zakład Języka Polskiego Polskiej Akademii Nauk, Związek Radziecki*, русск. *Международный съезд славистов, Институт русского языка Академии наук СССР, Советский Союз*, чешск. *mezinárodní sjezd slavistů, Ústav pro jazyk český Československé akademie věd, Sovětský svaz*, болг. *Международният конгрес на славистите, Съветски съюз*, сербско-хорв. *Међународни конгрес слависта, Sovjetski Savez* и т. д. Употребление прописных букв, является, конечно, сложным вопросом; но все-таки можно было бы принять некоторые общие основные меры для его решения. Целесообразным нам казалось бы, например, писать прописную букву лишь в самом начале названия и далее только в начале настоящих собственных имен, входящих в состав названия (как принято, напр., в болгарском и чешском правописании, ср. *Народна република България, Socialistická federativní republika Jugoslávie*. Необходимо было бы также унифицировать некоторые другие написания. Не совсем ясно, по каким причинам следует писать, например, *Коммунистический Союз Молодежи*, но *Коммунистическая партия Советского Союза; Всемирный Совет Мира*, но *Всемирная Федерация профсоюзов; Отечественная война*, но *орден Отечественной Войны; Первое мая*, но *1 Мая*.¹⁰ Подобно тому, в чешском языке нужно было бы более последовательно решить вопрос об обозначении прописными буквами единичных учреждений. Если, с одной стороны, пишется *vláda, ministerstvo zemědělství, krajský soud v Plzni*, то вряд ли понятно, почему, с другой стороны, нужно писать *Vládní výbor pro výstavbu, Kancelář Národního shromáždění, Krajská odborová rada v Ostravě* и т. п.¹¹

Из последовательного применения только что упомянутого (и совсем правильного) принципа обозначения единичных учреждений также по отношению к лицам вытекает еще дальнейшая возможность координации. Так как названия народов и жителей не представляют собой, на самом деле, обозначение единичных лиц, можно было бы их написание в западнославянских языках (польского это касается лишь отчасти) и в части южнославянских языков подчинить правилу, действующему в восточнославянских языках и в болгарском, т. е. писать их со строчной буквы: *čech, polák, neslovan, afričan, seveřan; chorwat, greczynka; prasloveni, indoevropljane, talijani* и т. п.

9. Упрощения заслуживает также правописание сложных слов, в особенности сложных прилагательных. Затруднения вытекают из возможности тройного написания таких слов: слитно, отдельно, через дефис (разумеется, в отдельных случаях допустимы в крайнем случае только две возможности). Постановка дефиса зависит в сущности от синтаксического отношения частей сложного слова: прилагательные, образованные от двух основ, обозначающих равноправные понятия, пишутся через дефис, напр. *англо-японский, marxisticko-leninský, leksykalno-semantyczny* и др.; прилагательные, образованные из сочетаний слов, по своему значению подчиненных одно другому, пишутся слитно, напр. *народнохозяйственный, občansko-grávní, sródziemnomorski* и т. п.

Это правило, к сожалению, модифицируется и дополняется в разных языках разными исключениями, нередко противоречащими указанному основному принципу. В польском правописании, напр., дефис употребляется довольно свободно, ср. *poludniowo-rosyjski, wschodnio-słowiański, wielkotorawski, labio-welarny*. Прилагательные, обозначающие качество с дополнительным оттенком или оттенком цветов, следует по „Правилам русской орфографии и пунктуации“ писать через дефис, как-то: *горько-соленый, ярко-синий, пепельно-серый*. Русская орфография далее, напр., различает: *восточнокитайские говоры, южноафриканские города*, но *Восточно-Китайское море, Южно-Африканская республика*.¹² Рядом дальнейших правил и исключений, стремящихся постичь и передать всю сложность, которая, как правильно говорит А. Б. Шапиро, „коренится здесь не в самой орфографии, а . . . в лексической стороне явления“,¹³ дело усложняется до той степени, что пишущий вряд ли способен всегда учитывать все „за“ и „против“ и в конце концов очень часто полагается на случай. Вследствие того нам казалось бы приемлемым решением ограничить употребление дефиса в сложных прилагательных и писать его обязательно лишь в таких случаях, где можно (и нужно) только с его помощью определить, однородны ли части сложного прилагательного или нет, напр. *złutozelený*, зеленый с оттенком желтого цвета (дым) × *złuto-zelený*, желтый и зеленый (флаг).

10. Совершенно традиционным нужно, по нашему мнению, признать написание дефиса перед союзом *li* в чешском языке (*půjde-li, víš-li*). Унификация чешского и русского правописания путем устранения дефиса была бы поэтому самым естественным решением (ср. русск. *пойдешь ли, пришел ли он*).

11. Что касается переноса слов, то нужно здесь подчеркнуть чисто формальную сторону дела. Ввиду того следовало бы отменить все усложняющие правила и придерживаться только двух основных принципов: 1) делить слова по слогам, 2) в совершенно ясных случаях не разбивать при переносе морфемы (*под-дать, шум-ный, roz-mach, pod-miot, из-глед* и др.).

12. Основательного пересмотра требуют правила пунктуации. На славянской территории существуют два типа пунктуации: т. наз. логическая пунктуация (она укоренилась в сербскохорватском языке) и формальная пунктуация (в восточнославянских и западнославянских языках). Для языков с формальной пунктуацией, правила которой почти исключительно созданы на основе синтаксического членения, характерно, что в ней нормируются почти все случаи употребления знаков препинания, встречаю-

щиёса в письме. Нельзя, конечно, и не было бы разумным отступать от принципа синтаксического членения в пунктуации или даже пытаться заменить его принципом т. наз. Pausen-Interpunktion, как это предлагал в 1939 г. шведский лингвист Х. Линдрот.¹⁴ Тем не менее, формальная пунктуация требует упорядочения. Упорядочение было бы направлено: 1) на ограничение количества запятых, в особенности в тех случаях, когда они находятся в резком несоответствии с произношением, в особенности в русском, напр. *Кожемякин поднялся, опираясь руками на стол, и, не сдерживая волнения, заговорил.* (Горьк.) — *Я вернусь рано, и, если нужно будет, мы успеем съездить за город.* — *Jako poseł, został przyjęty z honoarami.* 2) на упрощение правил о постановке „более тяжелых“ знаков препинания, т. е., главным образом, двоеточия и тире, и на унификацию постановки знаков препинания в прямой речи; ср. „*Приду, — сказал он, — завтра*“. Х „*Přijdu,“ řekl, „zítra.*“ 3) на новую формулировку правил пунктуации, которая не стремилась бы охватить и точно определить все случаи постановки знаков препинания и исключения из них, а в пределах твердо установленных самых основных принципов предоставляла бы пишущему возможность более свободного употребления знаков препинания в зависимости от смысла высказывания.

13. Сводь орфографических правил до сих пор составлялись в национальных рамках, так как они учитывали потребности одного национального языка. Несмотря на то что их основная концепция в большинстве случаев одинакова, но все же наблюдаются и более менее важные различия в отношении выбора и распределения материала, формулировки правил, объема орфографического словаря, оформления и т. п. В целях истинного сближения, нужно, по нашему мнению, координировать и обработку правил, их концепцию, формулировку, может быть, и материал для примеров, чтобы существующие до сих пор формальные различия не прикрывали фактические соответствия и не становились таким образом препятствием при изучении языка другими славянами.

14. Из характера предлагаемых изменений вытекает, что они в большей степени проявились бы в тех орфографических системах, которые основаны прежде всего на морфологическом принципе, менее в тех системах, в которых преобладает фонетический принцип. По поводу предлагаемых изменений в русской орфографии нужно сказать еще несколько слов. Громадное значение, которое приобрел язык самого великого славянского народа во всех сферах общественной жизни, не могло не оказать значительное влияние на другие славянские народы, для которых русский буквально стал вторым родным языком. С одной стороны, поэтому, не надо терять слов о том, что при какой бы то ни было координации русский язык должен стоять в центре внимания славистов; что возможности осуществления каких бы то ни было общих изменений нужно проверять русским как критерием. С другой же стороны, желательно, чтобы и русский, будучи языком мирового значения, до известной степени пошел навстречу изучающим его народам; чтобы русские языковеды также с точки зрения других народов обратили внимание на упорядочение некоторых явлений, до сих пор затрудняющих изучение русского языка иностранцами, в частности славянами (это относится не только к орфографическим, но и к некоторым другим, например акцентуационным явлениям). Конечно, нет сомнения, что русские

языковеды дают себе отчет в этом положении и с присущей им решительностью приступают к решению этих задач, чтобы русский язык вскоре стал еще более доступным средством общения для всех миролюбивых людей.¹⁵

*

Эти замечания никак не претендуют на функцию какого-нибудь проекта координации правописания славянских языков. Они, конечно, требуют поправок и дополнений. Автор ими только попытался дать один из возможных ответов на вопрос, заслуживающий серьезного внимания тем более, что он выдвинут по случаю события такой важности, каким является наступающий V Международный съезд славистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. вопрос А 111/38 в анкете

² См. сборник *Slovanské spisovné jazyky v době přítomné* под ред. М. Вейнгарта, Прага, 1937; А. Б. Шапиро. *Русское правописание*. Москва, 1951; *Орфография*, Большая советская энциклопедия, т. 31, стр. 247; J. Vachek, *O psaném jazyce a pravopisu*, сборник *Čtení o jazyce a poesii*, Praha 1942, и др.

³ См. об этом, напр., А. Б. Шапиро. *Упорядоченное русское правописание*. Москва, 1956; А. Б. Шапиро. *Еще раз о нашей орфографии*. Русский язык в школе, 1958, № 4, стр. 91; F. Daneš—M. Dokulil—K. Hausenblas—L. Váhala, *Píšeme podle nových pravidel*, Praha 1958; А. Белић. *Јединство новог правописа*. Наш језик, 1958, 5—6, стр. 145—147; В. Георгиев—И. Дуряданов. *Езикознание*. София, 1959, стр. 146.

⁴ А. Б. Шапиро. *Упорядоченное русское правописание*. Москва, 1956, стр. 17.

⁵ Там же, стр. 18.

⁶ Мы ссылаемся на статью А. И. Ефимова *Красноречие и орфография*, Известия 71, 24/3 1962, стр. 3, в которой он предлагает, между прочим, также устранение двойных букв в заимствованных словах и в страдательных причастиях.

⁷ *Pravidla českého pravopisu*, Praha 1958, стр. 47.

⁸ F. Daneš—M. Dokulil—K. Hausenblas—L. Váhala, *цит. работа*, стр. 33 сл.

⁹ Об этом свидетельствует уже тот факт, что в „Правилах русской орфографии и пунктуации“ раздел об употреблении прописных букв занимает 10 страниц, в „Правилах чешского правописания“ даже почти 13 страниц.

¹⁰ *Правила русской орфографии и пунктуации*³, Москва, 1957, стр. 59 сл.

¹¹ *Pravidla českého pravopisu*, Praha 1958, стр. 64 сл.

¹² *Правила... русской орфографии и пунктуации*, стр. 41—42. S. Jodłowski—W. Taszucki, *Zasady pisowni polskiej i interpunkcji ze słownikiem ortograficznym*, Wrocław 1954, стр. 69.

¹³ См. А. Б. Шапиро. *Упорядоченное русское правописание*, стр. 20.

¹⁴ См. *Dokumente zur Interpunktion europäischer Sprachen*, Göteborg 1939.

¹⁵ См. цит. статью А. И. Ефимова. Мы согласны с его взглядами на необходимость упорядочения некоторых правил русского правописания, за исключением одного: А. И. Ефимов рекомендует „убрать мягкий знак в словах типа «рожь»... , ибо и без него ясно, что слово женского рода“. Конечно, для русских; однако для иностранца именно наличие мягкого знака представляет собой неоценимую помощь при определении рода таких существительных. В пользу сохранения мягкого знака говорит далее тот факт, что мягкий знак здесь является показателем единства морфологической категории (стель — рожь), подобно тому как и в повелительном наклонении и инфинитиве глаголов (верь — режь, быть — сечь) и до известной степени также в наречиях (ановь — настезь).

MOŽNOSTI KOORDINACE PRAVOPISNÝCH PRAVIDEL VE SLOVANSKÝCH JAZYCÍCH

Autor se zabývá otázkou, zda je možno dospět k jisté koordinaci, popřípadě sblížení pravopisných pravidel ve slovanských jazycích. Vyzdvihujeme-li dnes společně vývojové tendence slovanských jazyků, je nutno historicky vzniklou rozrůzněnost jejich pravopisů hodnotit jako retardační faktor, nehledě ani na to, že působí řadu praktických potíží při jazykovém studiu. Proto by bylo třeba dosáhnout jisté koordinace. V současné době může však jít jen o takové úpravy, které nenaruší celkový ráz pravopisu. Vedle zřetele ke koordinaci musí být společným jmenovatelem těchto úprav úsilí o přiblížení pravopisu výslovnosti, o zjednodušení komplikovaného stavu a o omezení pravidel historizujících a tradičních ve prospěch takových, která lze logicky odůvodnit.

Autor článku navrhuje (v plném souhlasu s body obsaženými v dotazníku mezinárodního komitétu slavistů) v podstatě tyto úpravy: zjednodušení geminovaných souhlásek v přejatých slovech zejména řeckolatinského původu (týká se především ruštiny, např. *иллюстрация, территория, прогрессивный*; zjednodušení pravopisu pasivních participií ruských zavedením psaní jednoho *n* (dosud *прочитанный, организованный*); důsledné zavedení pravopisu *s* a *z* v cizích slovech podle výslovnosti (týká se zejména některých slov v češtině, která se i po úpravě pravopisu z r. 1957 píší stále pravopisem etymologickým, jako *universita, president* a n. j.); koordinaci a zjednodušení pravopisu velkých písmen; z důsledného uplatnění zásady o označování institucí a individuí jedinečných by vyplývala možnost přízpůsobit v češtině a některých jiných jazycích psaní jmen národních a obyvatelských (individua jedinečná vlastně neoznačujících) úzu běžnému v jazycích východoslovanských, tj. psát je s malým písmenem (*čech, polák, neslovan, severan* apod.); dále považuje autor za vhodné sjednotit pravidla o užívání spojovací čárky v různých jazycích; navrhuje omezit užívání spojovníku a klást ho (v podstatě podle zvyklosti české) především tam, kde pomáhá rozlišovat význam spojení, např. *žlutozelený (dým) × žluto-zelený (praporek)*. Doporučuje také odstranit v češtině spojovník před spojkou *li* (*víš li*), čímž by se dosáhlo jednoty s ruštinou (*анаеть ли*).

Pokud jde o pravidla interpunkční, je třeba zachovat princip syntaktického členění jako základní, přece však budou nutné koncese ve prospěch principu rytmického (a také významového), hlavně tam, kde je kladení čárek ve zjevném rozporu s pauzami ve výslovnosti (týká se to zase především ruštiny). Sjednocení a hlavně zjednodušení by si dále vyžadovala pravidla o užívání pomlčky, dvojtečky a o styku a pořadí rozdělovacích znamének v přímé řeči.

Unifikace by se měla týkat ovšem nejen věcné stránky, nýbrž i pojetí a formulace pravopisných pravidel, aby rozdílné vyjádření obdobných zákonitostí nezastíralo faktické shody a nebylo na překážku při studiu jazyka.

Navrhované změny by se více projevíly v těch jazycích, jejichž pravopis se opírá hlavně o princip morfologický, méně v těch, které mají pravopis fonetický (srbocharvátština). Z mezinárodního významu ruštiny vyplývá, že musí být středem pozornosti při veškerých mezislovanských úpravách; na druhé straně je však nutné, aby i ruština provedla úpravy některých pravopisných jevů, které ji dosud zbytečně odlišují od ostatních slovanských jazyků a tím ztěžují cizincům, především Slovanům, studium tohoto světového jazyka.

